

НАПАДЕНИЕ ТАТАР НА МОСКВУ

После смерти Менгли-Гирея, давнего союзника Ивана III, на крымском троне утвердился Мухаммед-Гирей. Татары не забыли о тех временах, когда пограничные земли Южной Руси платили дань одновременно Орде и Литве, и старались использовать этот факт в переговорах с Россией. Мухаммед-Гирей писал Василию III, что тот нарушил договор, не уведомив Крым о своем походе под Смоленск: «Ты нашему другу королю недружбу учинил: город, который мы ему пожаловали (Смоленск), ты взял от нас тайком; этот город Смоленск к литовскому юрту отец наш пожаловал, а другие города, которые к нам тянут, — Брянск, Стародуб, Почеп, Новгород Северский, Рыльск, Путивль, Карачев, Радогощ — отец наш, великий царь, твоему отцу дал. Если хочешь быть с нами в дружбе и в братстве, то ты эти города отдай нам назад, потому что мы их королю дали... Если хочешь быть с нами в дружбе и в братстве, то помоги нам казною, пришли нам казны побольше».

Заявления такого рода должны были подготовить почву для требования дани. Кроме денежной казны, хан желал получить кречетов и разные дорогие вещи.

В обращении к великому князю Московскому Крым соблюдал дипломатический этикет: «Брату моему поклон» или «Много, много поклон». Но обращение к великому князю Рязанскому было иным: «Великия Орды великого царя Махмет-Гиреево цареву слово другу моему и становитину, рязанскому Ивану, князю, ведомо было... Мы, великий царь и государь твой».

Московский доброхот Аппак-мурза уведомил великого князя: «У тебя хан просит восемь городов, и если ты ему их отдашь, то другом будешь, а не отдашь, то тебе другом ему не бывать; разве пришлешь ему столько казны, сколько король присылает, тогда он тебе города эти уступит. А с королем им друзьями как не быть? И летом, и зимою казна от короля, как река, беспрестанно так и течет, и малому и великому — всем

уноровил». Послу великокняжескому Мамонову Аппак советовал: «Ты приехал нынче между великим князем и царем дело делать, так делай дело умеючи; чего у тебя царь ни попросит, ты ни за что не стой, тешь его. А не захочешь царю дать добром, так тебе без дела назад ехать; ведь царь у тебя силою возьмет все, что захочет; так ты бы царю не стоял ни за что, чего у тебя ни попросит добром, а позора бы тебе не дожидаться». Угроза была исполнена.

Аппак был недоволен подарками Василия III и ставил ему в пример щедрость польского короля. «Абдыр-Рахмановою службою литовский царю нашему посылает пятнадцать тысяч золотых, кроме платья, сукон и запросов; а царицам, царевичам, сеидам, уланам, князьям, мурзам особенно король посылает, всем довольно; никто на короля царю за поминки не жалуется; Абдыр-Рахману же от короля идет две тысячи золотых, кроме платья и сукон; на людей Абдыр-Рахману еще казну, которую Абдыр-Рахман раздает от себя царевичам, уланам, князьям и мурзам добрым для королевского дела. Так королевскому делу как не делаться? А ко мне сколько раз король приказывал: отстань от московского, служи мне и приказывай, чего от меня хочешь: все тебе дам. Но у всякого человека слов много, а душа одна; ты, король, познакомился с Абдыр-Рахманом и живи с ним».

Хан писал: «Ты многим людям не прислал подарков, и нам много от них доуки было, да и посол твой много доуки видел; и вот я, для того чтоб между нами дружбы и братство прибывало, неволею взял у твоего посла, да и роздал моим людям — иному шубу, другому однорядку». Хан приложил список людей, которым великий князь должен был вперед посылать поминки.

В Москве закрыли глаза на заявления и действия Бахчисарая. В грамоте хану Василий не упоминал об оскорблениях, нанесенных послу, и требовал одного — шертной грамоты. Посол Мамонов обратился с тем же запросом к сыну Мухаммед-Гирея, царевичу Богатырю; тот заявил: «Кто меня больше почит, король или великий князь, о том я и буду больше хлопот

тать». Мамонов пытался повлиять на хана через его брата Ахмат-Гирея. Брат отвечал: «Видишь сам, какой царь мой брат; когда был отец наш царем, то мы его слушались; а нынче брат наш царем, сын у него царь же, князья у него цари же, водят им, куда хотят». Посол навестил старшую ханшу; та отвечала: «Великокняжеские и королевы поминки хан пропивает с своими любимыми женами».

Богатырь-царевич обещал хлопотать о том, кто его больше почитит; король, как видно, почтил его больше, и Богатырь в 1516 г. опустошил рязанскую Украину. Когда посол пожаловался Аппаку, тот отвечал: «Все это делается великому князю-самому от себя: говорил я, чтоб великий князь столько же присылал, сколько король присылает». А сам хан писал в Москву: «Что сын мой Богатырь без моего ведома на Рязань ходил, то князь бы Василий лихим людям не по-такал, кто станет говорить, чтоб ему за то со мною раздружаться». Хан объявил о готовности идти на Литву, но требовал, чтоб великий князь помог ему взять Астрахань: «Как возьмем Астрахань, то в ней великого же князя людям сидеть, тысячах в трех или четырех, с пушками и пищальми; рыба, соль — все это пойдет брату же моему, великому князю, а моя только бы слава была, что город мой. А что наши люди Мещеру воевали, то я не ручаюсь, что вперед этого не будет, хотя я с братом своим, великим князем, буду в дружбе и братстве; людей своих мне не унять; пришли на меня всею землею, говорят, что не будут меня в этом слушаться; а Ширины мимо меня вздумали воевать Мещеру, потому что нынче на Мещере наш недруг, а из старины этот юрт наш. Нынче брат мой, князь великий, не просит у меня на Мещеру брата или сына? Когда наш род был на Мещере, то смели ли кто из наших смотреть на нее?»

Невзирая на щедрые подарки, крымцы возобновили вторжения в литовские земли. В 1519 г. Крымская Орда нанесла поражение гетману К. Острожскому. Но уже через год Крым и Польша договорились о совместном военном выступлении против России.

В течение трех лет казанский трон занимал Шигалей. Весной 1521 г. местная знать свергла его, передав трон крымским Гиреям. Московский воевода был ограблен и выслан из Казани, многие из его слуг перебиты. Переворот в Казани ускорил последующие события. Мухаммед-Гирей не получил помощи от турок. Но в набеге крымских татар на Русь принял участие опытный литовский воевода с отрядом.

Летом 1521 г. хан обошел русские полки, собранные на Оке в Серпухове, и прорвался в окрестности Москвы.

Нашествие застигло Василия III врасплох. Поручив оборону Москвы зятю, татарскому царевичу Петру, великий князь бежал в Волоколамск. В пути, как писал австрийский посланник, ему пришлось прятаться в стоге сена. Дожидаясь подхода войск из Новгорода и Пскова, великий князь приказал начать переговоры с крымским ханом. Казначей Ю.Д. Траханиотов, находившийся с сокровищницей в столице, отправил крымскому хану богатые подарки. Приняв дары, Мухаммед-Гирей обещал снять осаду и уйти в Орду, «если Василий грамотой обяжется быть вечным данником царя (крымского хана. — *Р.С.*), какими были его отец и предки». Крымцы стояли под Москвой две недели, и за это время требуемая грамота была доставлена «царю». Достоверность приведенного известия С. Герберштейна не вызывает сомнений. В русских Разрядных записях отмечено, что при нападении татар на Москву «взял тогда царь крымской на великаго князя грамоту данную, как де великому князю дань и выход давать ему».

По предположению Г. Вернадского, грамоту о подданстве составил не Василий III, а наместник Москвы царевич Петр. Московские государи не скрепляли подписью свои указы и грамоты. Заменой подписи служила государственная печать, хранителем которой являлся казначей Ю. Траханиотов. Царевич и казначей могли изготовить грамоту в отсутствие государя. Но без ведома и разрешения Василия III, находящегося неподалеку от Москвы, они едва ли решились бы предпринять такой шаг. Уступчивость Василия III объяснялась тем, что обстановка в Подмоскovie все более осложнялась. Воеводы, сто-

явшие в Серпухове, препирались между собой, вместо того чтобы действовать. Молодой и менее опытный воевода князь Д.Ф. Бельский отказывался слушать советы старших воевод И.М. Воротынского и других. Василий III направил под Москву брата князя Андрея с удельными полками. Но татары помешали русским объединить свои силы. Получив требуемую грамоту от Василия III, Мухаммед-Гирей отошел к Рязани. Во время остановки под Рязанью татары в течение нескольких недель вели торг с русскими. Бояре и состоятельные люди могли выкупить из плена своих близких. Мухаммед-Гирей сообщил рязанскому воеводе о грамоте, выданной ему Василием III, и потребовал, чтобы тот снабдил его войска продовольствием за счет запасов, хранившихся в крепости. Воевода попросил предъявить ему государеву грамоту. Как только документ был доставлен в крепость, рязанцы пушечным огнем отогнали татар от стен города. Вслед за тем крымцы 12 августа 1521 г. ушли в степи.

Василий III признал себя данником Крыма, что означало восстановление власти Орды над Русью. Но новое ордынское иго продержалось несколько недель. Хан Мухаммед-Гирей был убит ногайцами. Его преемник потребовал от Москвы уплаты «выхода» в сумме примерно тысяча восемьсот рублей. Однако его домогательства были решительно отклонены русскими.

Василий III постарался снять с себя ответственность за поражение и переложить вину на бояр. Он примерно наказал воеводу И.М. Воротынского, заключив его в тюрьму.